

"Не думаю, что это возможно, если только мы не переедем. Твоему волку он нравится. Не вой всю ночь напролет, Джаспер". Она открыла ворота пошире и бросила ему пару брюк. Мягкие серые глаза обшарили комнату в поисках повреждений. "Это... мех?" спросила она, нахмурившись.

"Я пытался накормить его кроликом". Он вздохнул.

Элли моргнула, посмотрела на развалившийся кровавый мех и вздрогнула. "О, Джаспер!" Она покачала головой, нижняя губа задрожала от мгновенно подавленных слез. "Бедный маленький кролик?"

Он закатил глаза. Конечно, она расстроилась из-за чертова кролика. Мальчик не расстроился, но его жена? "Соберись, Элли".

Она сглотнула слезы. "Отдай его сюда. Я искупаю его и накормлю, а потом мы снова начнем терроризировать его родственников. А ты... убери останки - я хочу, чтобы их похоронили как следует. И с уважением, Джаспер, ты меня слышишь?" Она бросила на него оценивающий взгляд, но он внезапно потускнел. "О, и не забудь, сегодня вечером мы ужинаем с Антоном и Мариэлла".

Джаспер вздохнул. С тех пор как он встретился с милым Гарри в ту первую холодную ночь, его превращения изменились. Боль ослабевала, с каждой луной все больше и больше. О, это все еще было неудобно, но не так мучительно, как до Гарри. Если уж сравнивать с чем-то, то его превращения стали больше походить на трансформацию анимага. Как будто волк шел на уступки своему телу, чтобы иметь возможность понюхать и пообниматься с маленьким Гарри.

Но ценой такой лёгкости превращения было то, что он не мог даже уклониться от общения в полнолуние.

Антон, однако, все же смог отменить встречу. Они с женой оба были оборотнями, и перемены давались им с трудом.

Джаспер познакомился с Антоном на начальном курсе. Они страдали вместе, как только поняли, что друг друга зовут оборотнями. И если его отец был более склонен притворяться, что его сына не существует, то родители Антона перестроили свой мир, чтобы поддержать сына.

"Они не звонили, чтобы отменить встречу?" спросил он, когда сонного мальчика легко переложили на руку его жены, и она бегло осмотрела руки и ноги. Следов укусов или кровавых ран не было видно.

"Нет. Но, скорее всего, они тоже только что выползли из своей норы. Дай им час или около того". Его жена не возражала. Она прижала к себе маленького мальчика, нежно поцеловала его в темную головку и понесла из норы в дом.

Джаспер шел следом, разгребая остатки крольчатины и закапывая ее в саду, он чувствовал на себе взгляд Элли из кухни, поэтому послушно остановился на минуту над свежей могилой и обдумал свой выбор завтрака. Если она воспримет это как молитву, тем лучше. Покончив с этим делом, он смыл с себя кровавое месиво, которое оставил в своей берлоге, и запер ворота.

К тому времени, как он вошел в дом, он уже был готов выпить чаю, перекусить и принять душ. Гарри, свернувшись калачиком на любимом диване в углу, смотрел какой-то обучающий детский фильм, который купила Элли. У него были румяные щечки, сонные глазки, и он мило улыбался, поглядывая на Джаспера и помахивая маленькой ручкой.

"Я не понимаю". пробормотал Джаспер. "Волк его обожает".

"И ты тоже". сказала ему жена. "Даже если ты хочешь сказать, что это не так, это так. И не думай, что сможешь обмануть меня, Джаспер Локвуд, - я прекрасно знаю, что ты встречал Гарри у ограды его участка и каждый день провожал его домой". Ее взгляд говорил о многом.

"Да, дорогая". Он ссутулился, потупился.

"Пейте чай". приказала его свирепая супруга. Она рылась в огромной куче пальто, развешанных у двери на задний двор. Выражение лица, с которым она критически оценивала каждую вещь, медленно убивало его.

Она подняла темно-черный тренч средней длины и, надувшись, отбросила в сторону явно обидную вещь. Наконец, допив чай, съев тарелку бифштекса и яичницы и слишком устав, чтобы мысленно преодолевать препятствия, Джаспер не удержался и спросил. "Что ты делаешь?"

"Мне нужно идеальное пальто. Не слишком тяжелое, не слишком легкое, но в то же время изысканное". сказала она ему.

Он моргнул. "Мы сегодня куда-то идем? Любимая, я не очень-то хочу. Мне нужно закончить кое-какую работу и вздремнуть до приезда Антона".

Кислый взгляд, которым она нахмурилась, почти заставил его сделать шаг назад. Сидеть было трудно, поэтому он взял себя в руки и остался на месте.

"Мы, - подчеркнула любовь всей его жизни, - никуда не едем. Наоборот, я иду к Дурслям, чтобы устроить Петунии еще один сердечный приступ. Возможно, этот будет смертельным".

' . . . '

Антон Спектор был человеком, очень близким к своему внутреннему волку. Этому способствовало то, что он вырос в большой немецкой стае оборотней. Его родители восприняли

его укусы как простое заявление о приеме в уникальный клуб, и вместо того, чтобы подвергнуть мальчика остракизму, они передали его местному альфе и сказали, что хотят, чтобы он проводил время со стаей - особенно в полнолуние. Это прекрасно помогало контролировать волчонка, и в результате Антон вырос вполне уравновешенным.

Грегор Спектор, отец Антона, написал серию книг о процессе воспитания ребенка-оборотня в домашних условиях и с помощью местной стаи, а также о том, как стая влияет на поведение оборотня в целом. Он предположил, что ликантропия - это социальная болезнь. Изоляция оборотня делала его агрессивным, враждебным и более склонным к нападению с целью создания стаи. В конце концов, они были созданиями темной магии. Создание стаи оборотней имело множество преимуществ. Это облегчало переход, поскольку рядом были другие, готовые утешить, и иерархия, в которую вписывались все волки.

За время жизни Антона исследования его отца вошли в германскую политику. В Германии и Румынии были созданы заповедники, куда больные отправлялись для смены обстановки или для жизни, если их семья не могла принять их, существовали программы по уходу за больными детьми, если их родители не могли принять их, и таким образом распространение болезни сократилось в пределах Германии на 78 %. На самом деле, последний идентифицированный ребенок-оборотень был найден двенадцать лет назад.

Такое повышенное и прогрессивное отношение к оборотням было одной из многих причин, по которым Антон так сочувствовал своему брату по сердцу, Джасперу. Во-первых, из-за отсутствия поддержки со стороны его семьи, с чем Антон не сталкивался ни разу, а во-вторых, из-за того, как в Британии относятся к жертвам других оборотней. Боль от превращения разделяли, когда находились в стае, и поэтому она как-то уменьшалась. Агония волка пропадала, когда у него была стая, с которой можно было бежать, а повреждения тела уменьшались, когда человек и волк могли общаться и находить общий язык.

Это не означало, что его волк был безопасен для окружающих. О нет. Он уважал эту сторону своего волка, но признание этого факта означало, что жизнь в стае, охота на кроликов или оленей в полнолуние давали возможность хищнику, живущему под его шкурой. И в ответ хищник сосуществовал с ним в полном мире.

<http://tl.rulate.ru/book/101168/3474423>